

UNITED WISDOM

Таваккуль: доверие и собственное усилие

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A07 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Таваккуль: доверие и собственное усилие

Эпиграф

«Идут с доверием»

Санáи, *Хадикат аль-хакика*, первая книга, раздел о доверии Богу; фрагмент, перевод автора статьи с английского перевода J. Stephenson (1910), PDF с.81. Использованная версия.

О чём эта статья

Человек закончил подготовку, спросил совета и принял решение, но будущее не стало прозрачным. Именно здесь разговор о доверии приобретает трудность: можно ли перестать требовать гарантии, продолжая отвечать за сделанное? В исламском религиозном языке таваккуль относится к упованию на Бога. Его нельзя без остатка перевести как уверенность в себе, оптимизм или согласие с любым происходящим. Здесь мы рассматриваем ограниченный вопрос: как доверие соотносится с собственным усилием, когда действие возможно, а исход остаётся неизвестным. Опорой служит коранический аят о совете, решении и уповании; суфийская поэзия Санáи показывает иной, более аскетический акцент. Мы различим эти голоса, а затем рассмотрим обычные условные ситуации. Светские примеры помогают увидеть ответственность и её пределы, но не доказывают религиозное учение и не требуют от читателя принять веру.

I. Что именно доверено и что остаётся нашим делом

Представим небольшую команду, которая готовит открытое обсуждение. Участники согласовали тему, проверили помещение и предупредили приглашённых. За день до встречи один из выступающих сообщает, что не сможет прийти. Организатор может изменить программу, сообщить об этом людям или отменить событие. Он не может заставить отсутствующего присутствовать и не знает, понравится ли новая программа всем. Его ответственность лежит в конкретных решениях, однако последствия этих решений выходят за пределы его власти.

В такой ситуации легко смешать две разные просьбы. Первая обращена к собственному действию: пусть оно будет внимательным и честным. Вторая обращена к будущему: пусть всё обязательно закончится желаемым образом. Выполнить первую не значит получить второе. Человек может тщательно подготовить встречу и встретить

равнодушие; может допустить ошибку и случайно получить хороший отклик. По одному финалу нельзя восстановить весь характер усилия. Это наше этическое различение, а не утверждение, будто обстоятельства вовсе не имеют значения.

Таваккуль сохраняет религиозного адресата доверия. Верующий соотносит действие с Богом; читатель вне исламской веры может понять сам вопрос о несовпадении усилия и результата, но это понимание не делает его практику таваккулем. Если убрать адресата, остаётся полезная человеческая задача, однако меняется содержание понятия. Такое различие позволяет обсуждать соседние вопросы без присвоения чужого слова и без заявления, что все традиции учат одному и тому же.

Для организатора встреча ещё не потеряна. Он выясняет, чем можно заменить выступление, и сообщает действительный план. При этом он может признать, что не способен обеспечить каждому одинаковое впечатление. Признание границы не отменяет работу: оно уточняет, за что человек действительно берётся. Если же он обещает, что неизвестность сама всё устроит, при том что необходимые действия доступны, слово о доверии закрывает вопрос, который пока требует ответа.

II. Совет предшествует решению

В Коране 3:159 обращение к Пророку связывает мягкость, прощение, совет с людьми, принятое решение и упование на Бога. Для нашего вопроса существенна последовательность: доверие не стирает совещание. Сам аят — религиозный текст, а не инструкция по управлению современной организацией. Тем не менее он не даёт основания отождествлять упование с отказом выслушать других. Здесь мы опираемся на прочитанный аят, не на полный тафсир или правовой вывод.

Смысл совета обнаруживается, когда иной человек способен изменить описание задачи. Допустим, семья договаривается о помощи пожилому родственнику. Один участник предлагает сразу распределить дни, другой спрашивает, нужна ли самому родственнику именно такая помощь. Третий знает о трудностях дороги. Если решение уже внутренне объявлено безусловно правильным, остальные могут только подтвердить готовый план. Настоящее обсуждение допускает, что первоначальная версия неполна. Поэтому совет — не украшение решимости, а возможный источник её пересмотра.

При этом выслушивание не означает, что все разногласия исчезнут. Люди могут по-разному оценить доступное время и подходящую степень вмешательства. Важен не обещанный итог согласия, а то, какие сведения действительно были рассмотрены и чьи ограничения получили место в решении. В условной семье можно уточнить, кто согласен участвовать и что сам родственник разрешает. Там, где требуется специальная

компетенция, обычного семейного совета недостаточно; статья не устанавливает медицинских или правовых правил такого случая.

Решение после обсуждения тоже сохраняет авторство. Нельзя сказать, что теперь отвечают все понемногу и потому никто не должен объяснить следующий шаг. Один человек может взять организационную часть, другой — конкретную поездку, третий — право отказаться. Когда вклад назван, доверие перестаёт означать расплывчатую надежду на чужую готовность. Оно может сопровождать принятую ответственность, но не заменяет согласия тех, на чьё участие рассчитывают.

III. Решимость не покупает исход

Момент решения иногда воспринимается как сделка с будущим. Человек думает: раз я достаточно честно выбрал, обстоятельства обязаны поддержать выбор. Такое ожидание понятно, особенно когда подготовка была трудной. Но из качества намерения не следует контроль над всеми участниками и условиями. Когда итог иной, появляется соблазн объявить либо весь труд напрасным, либо собственную веру недостаточной. Оба вывода требуют больше сведений, чем даёт отдельная неудача.

Представим человека, который хочет восстановить прерванное общение. Он признаёт свою конкретную ошибку, приносит извинение и оставляет другому возможность не отвечать. Подготовка может быть серьёзной, однако примирение зависит от второй стороны. Если извинение сопровождается требованием немедленного прощения, оно превращается в новый способ распоряжаться другим. Ограничение здесь не в том, что отношения безразличны, а в том, что желанный результат нельзя получить одним собственным нравственным усилием.

После решения остаётся возможность продолжать действие: соблюдать обещанную дистанцию, не повторять прежний поступок, ответить на вопрос, если он задан. Это не бесконечное доказательство своего достоинства. Это различение того, что человек ещё должен сделать, и того, что вправе решить другой. В нашей сцене повторное сообщение может быть заботой или давлением в зависимости от договорённости и обстоятельств. Статья не читает скрытых мотивов; она предлагает проверить форму обращения и доступное согласие.

Поэтому доверие не следует измерять скоростью исчезновения тревоги или получением желаемого ответа. Религиозная жизнь имеет собственные основания, которые здесь не сводятся к наблюдаемому настроению. Даже на уровне обычной ответственности человек может продолжать выбранное дело, испытывая сомнение. Для оценки поступка полезнее спросить, соблюдена ли заявленная граница и не возложено ли на другого

обязательство обеспечить нам внутреннее облегчение. Такой вопрос скромнее, чем обещание непоколебимой уверенности, зато относится к действительному действию.

IV. Суфийский голос нельзя превратить в универсальный совет

У Сана́и в первой книге Хадикат доверие включено в резкий аскетический язык; рядом встречается требование духовного усилия. Этот поэтический голос не совпадает с современной формулой разумной подготовки. В выбранной версии есть также различение мудрости для земной жизни и веры для иной. Две краткие цитаты сохраняют эту напряжённость, не представляя поэму руководством для всех мусульман или свидетельством психологического эффекта.

Почему это существенно для читателя? Когда старое произведение становится источником удобной мысли, возникает риск убрать из него всё, что мешает удобству. Тогда автор словно подтверждает уже принятое нами правило, хотя действительный текст задаёт иной масштаб. Мы можем не принимать аскетический идеал и всё же внимательно отнестись к вопросу, который он ставит: чему служит наше усилие, если его единственная мера — сохранение привычного положения? Такой вопрос не обязывает отказаться от необходимых средств жизни.

При чтении религиозной поэзии важно различать обращение внутри определённого духовного мира и предложение конкретному современному человеку. Образ отказа от себя может быть частью поэтической полемики; переносить его в распоряжение о безопасности, имуществе или помощи зависимым людям было бы уже другим поступком. Мы не получаем права подвергать кого-либо риску только потому, что нашли сильный образ. Значение текста и допустимость его применения требуют отдельных обсуждений.

Трудность источника не делает его бесполезным. Напротив, она препятствует слишком гладкому соглашению между прошлым и настоящим. Можно удержать вопрос об опоре, увидеть более радикальный ответ поэта и затем ясно назвать собственный ограниченный вывод. В этой статье такой вывод состоит в возможности действовать без гарантии желаемого исхода. Это наше рассуждение о бытовой ответственности; оно не выдаётся за полный ответ Сана́и, за религиозное постановление или за замену обращения к компетентному толкователю.

V. Средства не становятся предметом поклонения

Если результат нельзя гарантировать, зачем проверять средства? Потому что отказ от всемогущества не равен отказу от различий. Удобная дорога и опасная дорога не становятся одинаковыми из-за неизвестности будущего. Подготовленное сообщение и вводящее в заблуждение сообщение тоже различаются. В условной встрече организатор способен проверить доступность входа, время и понятность объявления. Эти действия не дают полной власти над событием, но относятся к задаче, которую он действительно принял.

Другая крайность возникает, когда средство превращается в единственно допустимую опору. Допустим, человек составил подробный план переезда в пределах одного города. Затем меняется время передачи ключей. Если он считает, что хороший план должен исключить изменения, сам факт перемены выглядит личным поражением. Однако план был способом координации, а не обещанием неподвижного мира. Его можно пересмотреть, сохранив цель: перевезти вещи без скрытого перекладывания труда на друзей. Это редакционный пример, а не финансовая рекомендация.

Проверка средств включает их доступность и цену для других. Человек может предложить запасной вариант, но не вправе считать чужое время бесконечным резервом. Он может попросить помочь, однако просьба не создаёт обязанности согласиться. Когда план опирается на непроговорённое участие, недостаток обнаруживается ещё до исхода. Здесь собственное усилие означает также точное описание зависимости: кто должен подтвердить участие, какой ресурс пока не обеспечен и какая часть замысла нуждается в изменении.

Разумное средство поэтому остаётся временным и проверяемым. От него можно отказаться при новых обстоятельствах, не объявляя отказ изменой цели. И наоборот, цель иногда требует пересмотра, если её осуществление возможно только ценой недопустимого давления. Доверие не снимает эту работу различения. В религиозном разговоре оно имеет свой смысл; в нашей практической сцене мы можем лишь показать, что средство должно помогать ответственно действовать, а не превращать окружающих в расходный материал уверенности.

VI. Чужая уязвимость не принадлежит нашей решимости

Отдельное усилие человека часто затрагивает тех, кто не выбирал его путь. Если взрослый принимает неопределённость ради собственного проекта, это ещё не означает, что ребёнок, сотрудник или близкий должен принять ту же цену. Условия зависимости различаются, а формального согласия иногда недостаточно, чтобы исчезло давление. Поэтому разговор о доверии требует вопроса не только о моей смелости, но и о том, на ком окажутся последствия моего решения.

Представим добровольную группу, которая проводит вечернюю встречу. Координатор предлагает работать до позднего часа, потому что иначе подготовка не успеет завершиться. Один участник не может задержаться. Если ему отвечают, что недостаток доверия мешает общему делу, религиозное слово становится способом принуждения. Даже без религиозного языка сходный эффект создаёт требование доказать преданность готовностью терпеть неудобство. В условной сцене прежде следует выяснить, что было обещано и кто может свободно изменить участие.

Собственная ответственность координатора может состоять в сокращении программы, переносе части работы или признании, что событие не готово. Это не гарантирует приятного решения и может вызвать разочарование. Зато такое действие не маскирует недостаток ресурсов чужой моральной обязанностью. Человек вправе объяснить важность дела, но не устанавливать внутреннее качество другого по одному отказу. Иногда отказ связан с неизвестными нам обстоятельствами; иногда участник просто не согласен, и это тоже требует уважения договорённости.

В этой точке доверие становится особенно требовательным к речи. Можно сообщить о своей надежде, не обещая чужое участие. Можно признать страх, не превращая его в аргумент против чужой границы. Можно предложить помощь, не изображая отказ от неё духовной ошибкой. При угрозе, насилии или принуждении задача сначала относится к безопасности и доступной поддержке. Философское или религиозное объяснение не должно удерживать человека в опасной ситуации; конкретное действие здесь зависит от действительных условий и компетентной помощи.

VII. После исхода работа не исчезает

Допустим, встреча всё же состоялась, но участники оказались недовольны. Один не получил заранее обещанного времени для вопроса, другой не понял изменения программы. Организатор может сказать, что исход был не в его руках. Это верно лишь в определённом отношении: он не распоряжается чужой оценкой. Но собственные объявления, обещания и решения остаются предметом разбора. Признать ограниченность власти над итогом не значит объявить все претензии необоснованными.

Полезно разделить два разговора. Первый — о фактическом несоответствии между обещанием и выполнением. Второй — о том, что даже выполненное обещание не обеспечило желаемого впечатления. В первом может требоваться объяснение, исправление или признание ошибки. Во втором остаётся пространство чужого вкуса и оценки. Если смешать их, мы либо возьмём на себя невозможное обязательство всем понравиться, либо снимем с себя вполне определённую обязанность ответить за сказанное.

Обратная связь тоже нуждается в границе. Не всякое обвинение устанавливает факт, и человек не обязан принимать любое описание своего намерения. Он может уточнить, что именно произошло, какие сведения отсутствуют и с чем он не согласен. Однако проверка не должна заранее исключать неприятный результат. В нашей сцене запись программы показывает, какое время было объявлено; она не показывает всех переживаний участников. Разбор может исправить конкретную договорённость, не претендуя полностью объяснить внутреннюю жизнь каждого.

Доверие после события не означает запрета сожалеть. Если что-то утрачено, человек может считать потерю важной. Он может продолжить исправление, а может обнаружить, что прежнюю возможность вернуть нельзя. Тогда следующая ответственность меняется: не восстановить прошлое во всей полноте, а честно определить доступное теперь. Такой переход не делает прежнюю ошибку необходимой или хорошей. Он лишь не позволяет бесконечно повторять требование к уже завершившемуся событию вместо ответа на нынешнюю задачу.

VIII. Что можно сопоставить со стоическим различением

Рядом с таваккулем иногда ставят стоическое отношение к тому, что зависит от человека. Сопоставление возможно на уровне вопроса об усилии и внешнем результате, однако оно не устанавливает тождества веры и философии. В О досуге III Сенека обсуждает обстоятельства, которые мешают общественной деятельности, и возможность иной пользы. Это ограниченная опора для сравнения изменения формы участия, а не описание исламского упования.

Допустим, человек больше не способен организовывать большую встречу, но может помочь другому подготовить небольшой разговор. Отказ от прежнего масштаба ещё не означает отказа от участия. Такой пример можно осмыслить через вопрос Сенеки о доступной пользе. Верующий может рассматривать собственный выбор и в отношении доверия Богу, но одно описание не выводится из другого. Совпадение бытового решения не делает одинаковыми основания, на которых разные люди его принимают.

Это различие важно и для совместной жизни. В смешанной группе один участник молится, другой опирается на философское рассуждение, третий вообще не хочет обсуждать мировоззрение. Они могут договориться о времени и обязанностях без общего духовного словаря. Необязательно требовать, чтобы каждый подтвердил одну интерпретацию неопределённости. Достаточно, чтобы религиозное или философское основание собственного участия не отменяло чужого согласия и не создавало обещаний от имени всей группы.

Уместная связь между традициями помогает поставить более точный вопрос, а затем оставляет различия на месте. Неуместная превращает знакомое слово в универсальный ключ и делает ненужным чтение конкретного текста. Здесь мы сравниваем возможную смену формы усилия; мы не утверждаем общего учения о Боге, природе, спасении или добродетели. Читатель вправе остановиться на практическом различении и не выбирать религиозную позицию. Свобода такого чтения — условие разговора, а не доказательство того, что различия несущественны.

IX. Мера усилия остаётся открытым вопросом

Нельзя заранее составить одну меру достаточного усилия для всех ситуаций. Иногда человек действительно ещё не проверил важный факт. Иногда он уже повторяет действие, которое больше ничего не меняет и нарушает чью-то границу. Различить эти случаи можно только по задаче, доступным сведениям и последствиям для участников. Общая формула о доверии не сообщает, когда именно следует отправить ещё одно письмо или отказаться от прежнего замысла.

Возвращаясь к нашей встрече, организатор может проверить три отдельных пункта: что ещё доступно сделать, что необходимо согласовать и что уже относится к чужому решению. В каждом пункте важен конкретный ответ. Если помещение недоступно, требуется изменение; если выступающий отказался, требуется уважение отказа; если аудитории не понравилась тема, можно выслушать замечания, не обещая управлять вкусом. Такая детализация не уничтожает надежду. Она не позволяет надежде выдать себя за обеспеченный ресурс.

Собственное усилие можно пересматривать и после добросовестного начала. Новая информация не обязательно разоблачает прежнее решение как неискреннее. Она может просто изменить условия. Но пересмотр следует объяснить тем, кому обещано участие: чем вызвано изменение, что сохраняется и какие обязательства нужно заново согласовать. Признание неопределённости здесь соединено с ясностью сообщения. Иначе слово о непредсказуемости мира становится слишком удобным способом не сообщать о собственных действиях.

Так появляется ограниченный итог нашего рассуждения. Таваккуль остаётся упованием на Бога внутри религиозной жизни; мы не заменяем его техникой уверенности. В обычных примерах собственное усилие сохраняет смысл без гарантии результата, а неизвестность не отменяет ответственности перед другими. Человек может искать совет, принимать решение, пересматривать средство и исправлять ошибку. Одновременно он может не требовать от будущего обязательного подтверждения своей правоты. Эти возможности не обещают лёгкости, но позволяют точнее назвать следующее дело.

X. Ожидание имеет собственную форму ответственности

После выполненного шага часто наступает промежуток, в котором нового действия пока нет. Письмо отправлено, договорённость предложена, решение другой стороны ещё не принято. Этот промежуток можно ошибочно считать пустым: если ничего не происходит, значит нужно немедленно сделать что-нибудь ещё. Но повторное обращение иногда не добавляет сведений и только меняет условия для адресата. Ожидание тоже требует различения: оно может быть согласованной паузой, а может скрывать забытое обязательство сообщить о задержке.

Представим, что два человека договорились обсудить предложение через неделю. Отправитель каждый вечер спрашивает, готов ли ответ, хотя новых обстоятельств нет. Он объясняет это важностью вопроса. Для получателя такая настойчивость может означать, что согласованное время фактически отменено. Ответственность отправителя здесь состоит не в поиске ещё одного способа получить уверенность, а в соблюдении названного срока. Если появилось существенное изменение, можно сообщить о нём отдельно и объяснить, почему прежняя договорённость требует пересмотра.

Есть и обратная сцена. Человек обещал вернуться с ответом, но понял, что не успевает. Молчание не становится доверием к ходу событий лишь потому, что окончательный ответ ещё неизвестен. Можно сообщить о задержке, предложить новый срок или признать, что сейчас ответ дать невозможно. Такое сообщение не гарантирует принятия другой стороной. Зато оно позволяет ей решать на основании реальных сведений, а не ждать в условиях, которые уже изменились без её ведома.

Следовательно, пауза не обязана быть ни пассивностью, ни непрерывным контролем. У неё может быть понятная граница: до какого момента ждём, какое изменение требует сообщения, что произойдёт при отсутствии ответа. Эти условия лучше согласовать, чем объявить за другого. В религиозной жизни ожидание может сопровождаться молитвой; в совместном деле оно всё равно не делает чужую волю нашей собственностью. Возможность оставаться без окончательного ответа сохраняется рядом с обязанностью выполнять то, что уже обещано и действительно доступно.

Что это значит на практике

Если вам подходит такая проба, выберите обычное небольшое дело с неопределённым результатом: приглашение на разговор, подготовку встречи или обращение с предложением. Не выбирайте для упражнения ситуацию угрозы, принуждения или решения, требующего специальной профессиональной оценки. Можно вовсе отказаться от упражнения; оно не проверяет веру, силу характера или право человека тревожиться. Для религиозного толкования таваккуля этот бытовой разбор также недостаточен.

Опишите желаемый исход и отдельно действие, которое вы действительно готовы выполнить. Например, желаемый исход — содержательный разговор, а действие — ясное приглашение с темой и свободой отказа. Затем назовите сведения, которые нужно проверить до отправки: подходящий способ связи, понятный вопрос, действительную возможность выполнить обещание. Если участие другого ещё не согласовано, отметьте это как неопределённость, а не как недостаток его расположения.

После проверки выберите один следующий шаг. Рядом укажите предел: какого ответа вы не можете требовать и какое условие остановит дальнейшее обращение. Если появятся новые сведения, пересмотрите шаг. Если отказ уже выражен, упражнение не даёт основания продолжать давление. Доверие и надежда не заменяют согласия; при угрозе или небезопасности прекращайте пробу и обращайтесь за подходящей доступной поддержкой.

Когда действие выполнено, вернитесь к записи один раз в выбранное вами время. Сравните обещанное и сделанное, не оценивая всё только по ответу другого. Узкий возможный результат упражнения — более ясное описание собственного вклада и оставшейся неизвестности. Можно заметить одну конкретную поправку: например, заранее назвать срок ответа, вместо того чтобы позже требовать немедленного решения. Такая поправка относится к форме договорённости, а не к оценке человека. Если описание не помогает или превращается в повторное обвинение себя, можно закончить без продолжения. Никакого обязательного эмоционального состояния или успешного исхода здесь не обещано.

Ключевая цитата

> *«Для этого мира — мудрость»*

Санáи, *Хадикат аль-хакика*, первая книга, раздел о сотворении Адама и Иисуса; фрагмент, перевод автора статьи с J. Stephenson (1910), PDF с.133. Соседняя часть различает земное руководство и веру для иной жизни. Использованная версия.

Связи между традициями

Предмет	Прочитанные опоры	Возможная связь	Существенная граница
Совет и последующее действие	Коран 3:159; Сенека, О досуге III	Решимость не исключает рассмотрения обстоятельств и доступного участия.	Аят обращён к Пророку и содержит упование на Бога; Сенека обсуждает стоическую пользу и препятствия деятельности.
Усилие и масштаб цели	Сана́и, выбранные разделы первой книги; Сенека, О досуге III	Форма усилия не исчерпывается привычной внешней ролью.	Суфийская аскетическая поэзия не тождественна стоическому рассуждению или современной организации труда.

Это наши ограниченные сопоставления. Историческое влияние между указанными текстами и общее учение всех мусульман не утверждаются.

Первоисточники

1. **Коран, 3:159.** Прочитан сам аят в английском отображении Quran.com и арабский текст; имя переводчика не показано в полученном отображении, самостоятельная филологическая проверка арабского не заявляется. Тафсир не использован как полностью прочитанный источник. Аят.

2. **Сана́и. Хадикат аль-хакика, первая книга.** J. Stephenson, ред. и пер., *The First Book of the Hadîqatu'l-Haqîqat*, Calcutta: Baptist Mission Press,1910. Прочитаны выбранные контексты PDF с.48,70–72,81–82,133 и сведения о версии. Цитаты — с.81 и133. Это цифровая передача с опущенными примечаниями; весь персидский оригинал не прочитан. PDF.

3. **Сенека. О досуге, III–IV.** Английская версия Wikisource, традиционно опубликованный перевод Aubrey Stewart в сборнике *Minor Dialogues*. Использован выбранный аргумент III об условиях и формах участия; историческая датировка жизни автора из него не выводится. Текст.

Теги

таваккуль, ислам, доверие, упование, усилие, решение, совет, ответственность, неопределённость, намерение, результат, средства, согласие, границы, Сана́и, суфизм, Хадикат, Коран, Сенека, стоицизм, участие, помощь, обязательство, обещание, пересмотр, ошибка, обратная связь, религиозный язык, сравнение традиций, добровольность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.